

длания целостного спектакля, хотя сама история жизни дочери французского миллионера вряд ли может претендовать на пристальное внимание современного зрителя. Конечно, это понимают и стремятся переписать пьесу в область прирешенной тематика, акцентировав свое внимание на нраве любого человека на свободный выбор, на нравственно самому решать свое судьбу, независимо от принятых в данном обществе стереотипов.

Режиссер Ю. Н. Погорбичко пренебрегает конкретными приметами жизни французского общества, не настаивает на достоверности запечатленной автором, сосредоточив свое внимание в основном на характере героини.

При таком подходе, по моему мнению, склеивает социальную лишь пьесу, снимает ее сарказм, теряет убедительность отдельных мотивировок поведения персонажей, что выстраивает главное для себя — характер и судьбу своей героини Софи.

стилоприка, позволившего углубиться в живой, страстный характер Софи Кюфье, позволяющий рассмотреть и ее личность и ее проблемы. По словам авторки, эти социальные проблемы все таки очень далеки от реальных работ и проблем зрителей, дающих повод Кюфье, столь далеки, как далеко Париж от Камчатки. И поэтому зритель, сидя в уютном театральном зале, хоть и не без интереса следит за перипетиями действия, смеется, радевает, но никак не соотносит происходящее на сцене со своей жизнью, со своими неуловимыми бедами и радостями.

Эти две последние премьеры Камчатского драматического театра мне кажутся довольно показательными для его творческого лица. Конечно, можно было бы продолжить разговор о других спектаклях. Так, думаю, было бы интересно сравнить «Чай» с похожим по материалу но вышедшему годом ранее спектаклем «Моя профессия — сшить юбку» общества, в котором все приметы «иностранной жизни» подделываются, где актеры огромную часть своей энергии тратят на то, чтобы сыграть «заграничку», жестикулируют, как в итальянских фильмах и облакаются, как во французских... Из этого сопоставления становится очевидным профессиональное несовершенство театра, которое во многом определяется, на мой взгляд, теми требованиями, которые предъявляет к себе новый главный режиссер Юрий Николаевич Погорбичко.

Можно было бы отделиться статью посвятив урокам спектакля «Не боек Владимир Вульф», как мне кажется лучшей режиссерской работе В. В. Зверовичникова.

Не менее интересно было бы проанализировать постановку «Июль» в творческой режиссуре Ю. Погорбичко, которую он отказался от привычного осмысления этого драматургического материала и решился на архаичные поиски специфического, адекватного фантастическому реализму Гоголя.

И все-таки эти размышления все более настоящие перебивает ощущение как то странный, парадоксальный противоречий, явно существующий сегодня в творческой практике Камчатского театра.

С одной стороны — высокопрофессиональная творческая артистка и болельщик в своем, владеет современными театральными приемами, умеет строить характер, выстраивает сюжет, подлинно партнерство на сцене. С другой стороны работает одаренная режиссура, от спектакля к спектаклю растет мера творческой активности к себе и коллегам. А с другой стороны — явно видно, что достаточно высокий творческий потенциал театра реализуется сегодня далеко не полностью. Неважно, как так театр решает задачу, но в этих задачах не удается найти общего знаменателя, той единой линии, которая только и придает театру лица, несомненно выражение.

В чем же дело? Во-первых, происходит естественный процесс сжижения нового главного режиссера с труппой поиски общего языка, единого понимания искусства, единой линии, во-вторых, и это мне кажется сегодня главным, театром еще не найдены точные пути формирования репертуара, труппы, который бы сумел реализовать творческие зритель и театра. Сегодня энергия и талант коллектива во многом уходит на установку либо реконструкциях старых подделок, либо на многократные пьесы, разноплановые, возможно, и серьезные проблемы зарубежной действительности но чрезвычайно далекие от жизненного опыта коллектива театра и от реальных запросов его зрителей. А современная советская драматургия, которая могла бы составить репертуарный ядро, часто представляется пьесами вторичными, достаточно бездумными и не решающими острых вопросов современности.

Мне думается, что путь дальнейшего совершенствования Камчатского областного драматического театра, лишь более полное выявление его скрытого потенциала лежит, прежде всего, через организацию точного современного репертуара, который позволил бы труппе волею коллектива во весь голос, от своего имени говорить о самых сложных явлениях нашей жизни.

Ростислав ГОРЯЕВ, режиссер член Союза киноматографистов СССР.

НА СНИМКАХ: сцена из спектакля «Прометей заключенный», актеры Л. Загорская (Софи) и Ю. Бадиков (Кюфье), в спектакле «Чай».

Фото Ю. СТРЕЛЬНИКОВА.

РАДИОНОВАЯ и пьесы

афиша Камчатского областного драматического театра. «Женщина». П. Гоголь здесь соседствует со «Стиммийским беспорядком» В. Гюго и «Провинциалки» Н. Сандра и «Понимать». Не боек Владимир Вульф. Э. Обли с целой серией зарубежных комедий: «Чай», М. Соложана. «Моя профессия — сшить юбку» В. Гюго и «Трактирщица» К. Гольдони. Современная советская пьеса «Прометей заключенный» В. Черныш и «Загорская» В. Черныш, М. Захарова. «Смотрите, кто пришел» В. Апро, «Вузмани патроны» А. Чернышеского. «Провинциальная афера Хуан» В. Баманского и «Театральные пародии» К. Мирвова.

В этой перечне названий сложно определить круг главных художественных направлений театра, его творческую и гражданскую позицию. Конечно определить принципы, которыми театр руководствуется при формировании репертуара. Исключить закрадывается сомнение, — а не пытался ли театр обмануть ожидания, не формируясь за репертуар по принципу «всем страшно по сервизу»? Не пытался ли театр удовлетворить все вкусы, не имея явной выраженности своего?

Ответить на эти вопросы могут только спектакли.

Последняя премьера театра — «Прометей заключенный» В. Черныш и М. Захарова. Пьеса открывает творична не только по отношению к сценарию В. Черныш «Дублер начнется действовать», но и к целому ряду так называемых «производственных» пьес, начиная с «Человека со стороны». Правда, в «Заключенном» это вторичность, маскируется музыкально-игровым нанизмом, которое диктуется в большей степени режиссерской индивидуальностью Марии Захарова, приспосаблившего спектакль для сцены Московского театра Ленинского комсомола, чем драматургической необходимостью, в очути часто навязывая предоступный «комплимент» давних производственных пьес. Такова, на мой взгляд, вся история отношения Бориса Костина и девушки с эстетическим ироничным Урием, начиная с «Патимуцино» распадавшаяся обаяющей героини в блокнот и кончающаяся благополучным браком такова же в расказе о телевизионной передаче четкая, почему то поругана бывшей женой

Театр

Через поиск своей пьесы

Борис Костина, таковы многогранные музыкальные и стихотворные истоки.

Чем же эта пьеса привлекает театр, заставила выбрать именно ее из достаточно обширного современного репертуара?

Было сказано, грамотное постановочный режиссер В. В. Зверовичников спектакль не дает ответа на этот вопрос.

Правда, в спектакле постоянно проматываются с интересом актерские индивидуальности Камчатского театра, умение находить живые черты даже в истопни написанных персонажах, интерес в поисках объемных характеров, умение привносить в драматургический материал живые приметы времени.

Интересны в отдельности, хотя и не складываются в единый актерский ансамбль, сдержанная, очень современная по своей манере работа В. Крюковича (Костин), несколько отстраненный, театральный темперамент В. Новикова, особенно в монологе его Шурикова, бытовая убедительность в Прохорова, сыгранного Крюбица, мелкая наблюдательность М. Соловьевой в роли секретаря директора, острая, сильная характерность на грани гротеска, с которой режиссер спектакля В. Зверовичников сыграл Прометейца.

Этот ряд частных удач можно продолжить, но все же отдельные актерские находки, профессиональные находки, остроты наблюдений не создают целостного спектакля и не только проза отстутствие единого актерского ансамбля, но прежде всего по тому, что не просматривается генеральная идея, трагическая позиция. Несмотря на явное в спектакле присутствие единого актерского ансамбля, по правде говоря, не в нашей сегодняшней жизни, с чем борется, что любит, что презирает?

Актриса Л. Загорская с попариваям Зверовичников и Зверовичников на сцене просторно живет Софи Кюфье, дочери миллионера, полубогини общинного пария из зарубежного предместья. Выносливость и каприз, упрямство и предоступность, удаливость и жестокость — все это органично уживается в ее героине, создавая объемный, неоднородный человеческий характер.

Жаль, что ее партнер, артист В. Крюкович, не сумел пережить через свою обычную манеру «простой современной» сдержанности роль Венсанса, думается, требует значительно большей эмоциональной наполненности. Поступаясь этим требованием, В. Крюкович обидел возможности своей роли, не сумел показать те моменты, которые в его Венсансе являлись острой и близостью с незаурядной героиней Л. Загорской.

В результате все же получился интересный, профессиональный спектакль, привлекающий внутренним тактом и точным чувством меры во-

